

с детских лет жившем у Троицы и научившемся здесь искусству живописи.⁷⁷ Что Федор умел писать иконы, сомневаться не приходится, так же как и в том, что на протяжении второй половины XIV—первой половины XV в. в Троице-Сергиевом монастыре жило, наверное, несколько монахов, подвизавшихся по части иконописания. Но Троицкий монастырь играл роль своеобразного монашеского университета, члены которого обучались не столько изящным искусствам и литературе, сколько строгой практике иноческого послушания и хозяйственно-деловой сметке. Овладев необходимыми знаниями, троицкие монахи отправлялись обычно на север и основывали новые монастыри, новые феодальные хозяйства (характерно, что ни один из них в области искусства никак не прославился). Состав братии Троице-Сергиева монастыря постоянно обновлялся. Сюда приходили и стсюда уходили. Не случайно монастырское предание сохранило очень мало имен учеников Сергия, живших постоянно с ним.⁷⁸ Между тем возникновение и расцвет настоящей художественной школы требовали устойчивой и притом все же, конечно, специальной среды, которая бы имела условия, чтобы ее сочлены-иконописцы могли приложить свое искусство и силы в нужном для них направлении. Но сомнительно, чтобы в постоянно обновлявшемся людском потоке, проходившем через Троице-Сергиев монастырь, выработалась такая среда и такие условия. Во всяком случае ни один из учеников Сергия, за исключением разве что Епифания Премудрого да Федора, архиепископа Ростовского, — художников-дилетантов, не был иконописцем.

Надо, наконец, принять во внимание идейную программу, положенную Сергием в основание налаживавшейся под его управлением местной монастырской жизни. Сергей был сознательным противником всякой роскоши. В его монастыре внешняя сторона обряда и связанного с ним архитектурного, иконописного, ювелирного и прочего ремесла не получила да и не могла получить заметного развития, ибо не это, а внутренняя, умственная работа и строгая атмосфера нравственного и трудового подвига должны были, по его мысли, определять течение монашеского дня. Поэтому у него на первом плане стояли «труды телеснии, смирение нелицемерное, молитва непрестающая... худость ризная, память смертная, страх божий непрестанный»⁷⁹ и наверняка отсутствовало какое бы то ни было стремление «исказить пустыню», сделать монастырь хозяйством по обслуживанию церковного строительства. Насколько непритязателен был Сергей к внешней стороне монастырского и вообще церковного быта в личной жизни, хорошо показывают принадлежащие ему вещи: деревянные потир, дискос и блюдец, простая темно-вишневого цвета холщовая риза и его келейные иконы Богоматери и Николы чудотворца. Последняя икона вообще имеет настолько суровый вид, что святой напоминает отчасти даже деревянного идола. Конечно, это не то искусство, под воздействием которого сложился стиль живописи Андрея Рублева.

Если бы в Сергиеве монастыре действительно имелась живописная мастерская, было бы странно, что она не оказала никакого влияния на оформление местных рукописей, не позаботилась о том, чтобы украсить

⁷⁷ Арсений, иером. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой лавре. — Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1873, стр. 119.

⁷⁸ Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 90—94.

⁷⁹ Житие преподобного Сергия Радонежского. Литографированное издание с рукописи XVI века. Литография Свято-Троицкия Сергиевы лавры. 1853, л. 87 об.